

А.В.ЦИММЕРЛИНГ (Москва)

Субъект состояния и субъект оценки <предикатные типы и эпистемическая шкала>

В ранних работах по семантической типологии в качестве базового параметра принималось наличие активного фактора, преобразующего ситуацию. Этому признаку соответствуют, с одной стороны, иерархия актантных ролей типа Агенс-Пациенс- Экспериментер - Инструмент - Локатив [16, 483], с другой - представление о контролируемости процесса субъектом [15, 49; 3, 69]. Оба аспекта явно связаны с особым статусом одушевленного субъекта в глубинном представлении языка.

Проблема семантического описания разноструктурных высказываний при помощи фиксированного набора параметров впервые остро встала в европейской лингвистике в связи с анализом безличных предложений. Ощущение несоответствия между действием и его непосредственным производителем [4, 464] привело к введению в схему описания такого участника как “мир” или “природная сила” и признанию его в качестве активного фактора. Отдельные ученые предлагали интерпретировать высказывания типа рус. *гром гремит, лодку перевернуло* как = “вся совокупность бытия гремит”, “внешняя сила перевернула лодку”, другие склонялись к персонификации = “**Бог (гром)** гремит”, “**море (злые духи)** перевернуло/и лодку”. Более сложный случай составляют высказывания типа *меня раздражает, что P, у меня в голове шумит, у меня в голове кружится*: неустрашимым участником подобных ситуаций оказывается одушевленный субъект, характерным свойством которого является восприимчивость к внешнему воздействию. Правда, во всех данных примерах введение параметра “мир в целом” необязательно, так как причина предиктируемого положения дел легко может быть номинализована более частным образом¹: X-а может раздражать **опоздание окружающих**, у X-а может шуметь в голове **из-за выпитого вина**, нечто может выпасть у X-а из памяти **из-за склероза** и т.п. В связи с этим остающийся за кадром активный участник ситуации уместно определять скорее как “мир здесь и сейчас”, “локус”, “среда”.

Другое важное направление, предполагающее иерархию семантических субъектов, связано с изучением модальной рамки высказывания и, в особенности, с концепцией пропозициональной установки как двустороннего отношения между субъектом и пропозицией. Широко распространена точка зрения, что повествовательное предложение обычно представляет собой “описание мира”, а предикат, имеющий сентенциальную валентность (на придаточное или его эквиваленты), служит мостиком между миром и субъектом познания (говорения, восприятия, знания), ср. *я думаю, что P, мне грустно, что P*. При этом пропозициональный субъект не оказывает обратного влияния на мир, а лишь фиксирует его состояние. Подобный взгляд, при котором субъект

¹ Вероятно, поэтому многие ведущие лингвисты первой половины XX в. отрицательно отнеслись к поискам активного актанта безличной конструкции. Так, А.М. Пешковский замечает: “во всех подобных предложениях подлежащее невозможно, потому что то, что могло бы быть им, выражено управляемым существительным, а подлежащее устранено из мысли как неизвестное” [10, 320].

познавательной активности внеположен миру, с легкой руки Н.Хомского и З.Вендлера часто называют “картезианским”. Проблематичность картезианского подхода видится прежде всего в том, что концепция пропозиционального субъекта как измерительного прибора, не деформирующего объект измерения, не учитывает всего многообразия модальных и оценочных значений, представленных в разных языках и в разных конструкциях одного и того же языка.

Приводимые в настоящей статье факты не могут снять всех спорных проблем, однако они свидетельствуют о значительной сложности предикатных значений, связанных с контактом “мира” и “одушевленного субъекта”.

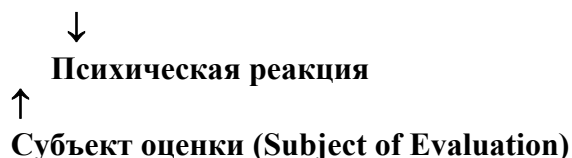
Сведение большинства инактивных высказываний к общей рубрике с “интранзитивы с эксперенциальным субъектом” допустимо для языков с бедной морфологией, но не позволяет адекватно описать таких языков как современный русский, которые различают разную степень участия субъекта в ситуации, и соответственно, разную степень контролируемости процесса.

Наиболее показательно в этом плане противопоставление русских связочных предложений с предикативом на *-o* и глагольно-безличных предложений с винительным или дательным падежом лица. Не могут иметь трансформации с предикативом $\text{Agr}(x) > \text{N}_{\text{dat}} - o\text{-Pred}$ прилагательные, обозначающие активные свойства субъекта.: **мне бешено, злобно, буйно, гневно* и т.д. В этом случае избирается модель $\text{V}_{\text{imp}}\text{-N}_{\text{acc/dat}}$: *меня бесит, злит, раздражает, что P*.² Элемент *P* обозначает сентенциальное вхождение, роль данного элемента - СРЕДА (Env). Распределение глагольной модели и модели с именным предикативом указывает на то, что в первом случае среда получает роль агенса, а субъект - пациенса, а в модели с предикативом роль СРЕДЫ ограничивается воздействием на аффицированность лица, а роль субъекта состоит в констатации этого воздействия. Именно для этого случая уместно зарезервировать термин “субъект состояния” [ср. 14, 90; 4, 415; 11; 12, 123]. Значение конструкции с предикативом противоречит выражению неконтролируемых процессов и произвольных реакций. Схематически два данных предикатных типа можно представить так:

I. *X-а злит, что P*: Среда (Agens) → Одушевленный субъект (Patens)
 ↓
 Аффект

II. *X-у грустно*: Среда → Субъект состояния (Subject of State)

² Противопоставление глагольно-безличных предикатов и связочных структур с предикативом нельзя считать абсолютным, поскольку некоторые контексты оставляют носителю русского языка возможность двойной трактовки, ср. *ему любопытно* и *его распирает от любопытства*. Кроме того, узус не является неизменным, ср. *мне мерзко* и недопустимое в современной норме *когда в кругу убийственных забот нам все мерзит* (Тютчев). Вместе с тем, магистральная тенденция размежевания двух данных конструкций связана именно с признаком контролируемости /неконтролируемости. Так, в ситуации, когда человека может вырвать, принято говорить *его мутит, его тошнит*, а высказывание *мне муторно* неоднозначно: оно может описывать и физическое состояние, и пониматься как метафора, говорящая о состоянии психики лица. В высказывании *мне тошно* большинство информантов улавливает уже только информацию о психике лица = *X-у противно до отвращения*.

Предикаты состояния иногда противопоставляют предикатам оценки [5, 336; 7, 276]. Безусловно, существуют оценочные и пропозициональные предикаты со значением "наблюдения" (*нравиться, казаться*), которые нецелесообразно сводить к рубрике "состояния", поскольку при этом размывается семантическое содержание термина. Вероятно, есть также стивные предикаты, при описании которых можно обойтись без параметра оценки. Однако для русских предикативов с финалью *-о* (слов категории состояния в терминологии Л.В.Щербы и В.В.Виноградова) предпочтительней считать, что сема оценки/визуального наблюдения встроена в само лексическое значение предикатива, поверхностным критерием чего служит валентность на дательный падеж лица.

Тест на сочетаемость с дательным падежом позволяет отсеять компактный класс предикатов, представляющих собой характеристики: 1а) ПОГОДЫ или 1б) СРЕДЫ. В обоих вариантах денотативный признак соотносится с ситуацией в целом и не может быть приписан никакому одушевленному субъекту. В случае 1а) состояние погоды осмысливается как переменный фактор, высказывание будет понято в актуальном значении, предикаты данной группы легче сочетаются с обстоятельством времени, чем с обстоятельством места (ср. однако слово *дождливо*, имеющее, скорее, узусуальное значение). В случае 1б) обозначенное состояние СРЕДЫ осмысливается как постоянное или обычное для данного МЕСТА (замкнутого пространства). В обеих подгруппах состояние среды констатируется неким одушевленным субъектом, либо локализованным в той же точке пространства, либо идеальным наблюдателем (*deixis ad Phantasma*), однако оно не осмысливается как признак самого субъекта внутри ситуации. В данной схеме описания субъект внеположен миру и оценивает его состояние, но не является его частью. В терминах данной статьи, предикаты класса *пасмурно* предполагают наличие субъекта оценки (Subject of Evaluation, далее по тексту - SE), но не предполагают наличия субъекта внутреннего состояния (Subject of State, далее по тексту - SS).

Свойства СРЕДЫ/состояние ПОГОДЫ мыслятся в русском языке как бы объективированно, соответствующие им предикаты репрезентируют положения дел, а не психические реакции. Поэтому, невозможность сочетаний **мне влажно, сухо, мокро* при нормальном *мне сыро, скользко, душно* свидетельствует о различии двух типов субъектов - констативного (Const) и аффективного (SS). Для носителя нормативного русского языка признак {(здесь) МОКРО, СУХО, ВЛАЖНО} имеет постоянное значение для любого наблюдателя, синхронизированного с ситуацией, а признак {(здесь) ДУШНО, СКОЛЬЗКО, СЫРО} квантифицируется по конкретному наблюдателю (SE). Промежуточное положение между Const и SS занимает бенефактивный субъект (Ben): *это для меня/ мне мелко, дорого*. Данное значение характерно для параметрических прилагательных, имеющих валентность на дательный падеж: в этом случае предикатив *мне рано, поздно, длинно, дорого* предполагает

градуирование признака и всегда означает: *мне (=это для меня) еще рано, слишком поздно, длинновато, дороговато.*

Описание предикатной лексики при помощи двух параметров - субъекта состояния и субъекта оценки оправдывает себя и для других языков, где есть разряд слов типа русской "категории состояния" [ср. 8; 9; 6]³. Общим для них является то, что все они обозначают визуально наблюдаемые и поддающиеся качественной оценке ситуации. В частном случае субъект оценки и субъект состояния могут денотативно совпадать [ср. 2, 224-225], но это необязательно так. При этом выделяются разные типы оценочных контекстов:

1) бинарная оценка ситуации как приемлемой/неприемлемой для субъекта: сюда относятся все, или почти все русские формы на -о, формирующие дативно-безличную конструкцию⁴.

2) Оценка степени интенсивности признака или констатация его наличия: так, англ. *awash* в значении "навеселе" предполагает, что не сам субъект состояния оценивает степень опьянения. Аналогично, дрисл. *eldivi~~xarf~~t*, букв. *"*малохворостно*" (возможна и конструкция *zeim var eldivi~~xarf~~t* *"*им было малохворостно*") интерпретируется как "*Х заключил, что у Y-а в момент t было (слишком) мало хвороста*".

Семантическая сложность слов категории состояния часто подкрепляется словообразовательной (в славянских языках преобладают аффиксальные слова, в древнегерманских - композиты) и синтаксическими трансформациями, связывающими их с именными и глагольными основами⁵.

³ Мы намеренно не касаемся здесь вопроса о степени грамматической общности предикативов в конкретных языках, равно как и типологии возникновения слов категории состояния в индоевропейских языках. Данная проблема обсуждается в нашей работе [13].

⁴ Способность формировать дативно-безличное предложение является в русском языке нетривиальным свойством, зависящим как от присутствия оценочного компонента в значении производящей именной основы, так и от его характера. Не дают трансформации с безличным предикативом актантно поляризованные слова типа *злбный, упитанный, потный* : **мне злбно, упитанно, потно*. С другой стороны, такие слова как *аморальный, подлый, алогичный* воплощают оценки, которые не могут быть релятивизированы: если поведение оценивается как *алогичное* или *подлое*, тем самым утверждается, что данный признак имеет одинаковое значение для всех возможных наблюдателей (субъектов оценки).

⁵ Наиболее интересны в этом плане примеры, где деривационное значение предикатива проясняется в самой речевой ситуации. Ср. следующий диалог в древнеисландской саге:

*Þorgeirr segir: "Ekki var mJ zetta alhugat, at ek vilda, at vit reyndim me xokkr har xengi".
Þorm lxm Ftir: "Qug kom zJ, me xn zdm Ftir ok munu vit skilja f Jagit" F\st. 7,151.*

"Торгейр говорит: "**Не было мне это полноумно** (= я говорил не всерьез), будто хочу биться с тобой насмерть". Тормод сказал: "**Тебе пришло на ум**, пока ты говорил".

Анализ клишированных текстов позволяет выявлять стандартные ситуации, в которых использовались предикативы, и в ряде случаев устанавливать их синтагматические эквиваленты. Так, сопоставление двух московских грамот начала XVI в. помогает обнаружить точную парафразу предикатива **любо** "*Х согласен принять условия Y-а*" :

а) *и судьи спросили старца Гарасима: Любо ли вамъ та межа, куды тѣ хрестияне гавиньские вели со своими старожильцы ?* N 93/до 1511-12 (= согласны ли вы признать ту между...);

б) *и мне Микифору, да Ивану, да Михаилу Олексея слушат(ь), и межа та любит(ь), куды Олѣксеи поведет* N 278/1526-27

Присутствие оценочного компонента можно постулировать также для некоторых производных глагольных основ с результативной семантикой (славянский совершенный вид, германский перфект): в этом случае субъект оценки может быть совмещен как с субъектом состояния, так и с субъектом действия/деятельности⁶.

Субъект оценки/наблюдения, несомещенный с субъектом состояния, характерен, по-видимому, для небольшого числа глагольных основ с общим значением "КАЗАТЬСЯ", а также для вводных слов. Данная группа, тем не менее, является важной, поскольку она связана с модальным аппаратом высказывания и текста.

Значение "НРАВИТЬСЯ" (НЕ НРАВИТЬСЯ, НАДОЕСТЬ и т.п.) в некоторых языках могут быть представлено как производное от значения "КАЗАТЬСЯ", а в других - как независимое от него.

В схеме с двумя актантами при диспозициональном предикате *X-у нравится Y*, герм. *X-у кажется Y делать нечто = что Y делает нечто* любой из актантов - субъект оценки или её объект может быть выбран в качестве грамматического подлежащего⁷, ср. русск. *Мне нравятся (множ.ч.) розы* и исл. *mJ leiddist (ед.ч.) bRrnir (множ.ч.)*, букв. *"мне надоело эти машины" [17, 60]. Тем самым язык колеблется между двумя схемами описания: (а) ситуация описывается глазами одного из ее участников - наблюдателя/ субъекта оценки, (б) объекту приписывается знаковый характер, наблюдатель остается на периферии. Полная элиминация позиции наблюдателя приводит к переосмыслению исходной конструкции: этому соответствует сдвиг от значения КАЗАТЬСЯ/ДУМАТЬ к значению СЛЫТЬ, от значения ГЛЯДЕТЬ НА кого-либо = расценивать к значению ВЫГЛЯДЕТЬ [ср. 10, 322 ; 1, 24].

Конструкции с предикатами типа "слыть", "представать взору/воображению" знаменуют собой крайний полюс эпистемической шкалы. В этой группе случаев членимость высказывания на модус и диктум герп главное и зависимое предложение бывает сильно затемнена, поскольку признак "наблюдаемости" приписывается объективно существующему положению дел.

Литература

⁶ Наличие параметра "Наблюдатель/ Говорящий" в категориальной семантике германского перфекта и славянского совершенного вида явствует из того, что данные формы предикцируют два временных плана, соотносенные с моментом речи: оценочный компонент, возникающий на данной основе, сигнализирует, во первых, *завершенность* действия или процесса [18, 103], во вторых, *актуальность* действия и/или его результата в момент речи. Кроме того, формы перфекта и СВ нередко используются для выражения более специальных оценочных коннотаций [15, 58-61].

⁷ Критерии определения подлежащего в двухактантной конструкции с предикатами КАЗАТЬСЯ, НРАВИТЬСЯ лингвоспецифичны. Для европейских языков, помимо падежной маркировки и формально-синтаксического согласования глагола с объектом наблюдения (ср. рус. *они кажутся мне глупыми*) большое значение имеет порядок слов. Например, немецкий язык допускает последовательность NOM - DAT er gef@t mir, букв. "он нравится мне", в то время как в новоисландском языке субъект оценки всегда предшествует объекту оценки, а порядок слов NOM - DAT *hann IRag mJ оказывается неграмматичным. Этот факт свидетельствует о том, что в исландском языке субъект оценки имеет свойства грамматического подлежащего, а в немецком - нет [17, 61].

1. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. В: Семиотика и Информатика, ВИНТИ, вып. 28, 1986.
2. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., Наука, 1985.
3. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке. В: Семантические типы предикатов. М., Наука, 1982.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
5. *Вольф Е.М.* Состояния и признаки. Оценки состояний. В: Семантические типы предикатов, М., Наука, 1982.
6. *Гард П.* Русское *каково*. В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV, 1985.
7. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., Наука, 1982.
8. *Ильиш Б.А.* О категории состояния в английском языке. В: Памяти академика Л.В.Щербы. Л., 1951.
9. *Исаченко А.В.* О возникновении и развитии "категории состояния" в славянских языках. В: Вопросы языкознания, 1955, N 6.
10. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. Москва, 1938.
11. *Поспелов Н.С.* В защиту категории состояния. В: Вопросы языкознания, 1955, N 2.
12. *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. В: Семантические типы предикатов. М., 1982.
13. *Циммерлинг А.В.* Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния (в печати).
14. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке. В: Языковая система и речевая деятельность. М.,- Л., 1974.
15. *Comrie B.* Aspect. London -New York- Melbourn, 1976.
16. *Lyons J.* Semantics, vol. 1-2. Cambridge. L.-N.Y.-Melbourn. 1977, Repr. 1978.
17. *Sigurxson H.A.* BeygingarsamrFmi. - In: Qenskt m d ok almenn m dfrF x, 12-13 (1991).
18. *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca, 1967.